

Письмо

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МИЛАЯ, с самого края света!

Здесь солнце круглее, и кажется, тише ночи.
Лишь изредка чудится, будто вдали хохочут
Русалки, и шамкает леший, жуя конфеты.

Я буду писать тебе чаще. Перо Жар-птицы
Готово само выводить заповедные строки!
На хвостиках хрупких ручные мои сороки
Доставят послания прямо в твою светлицу!

Женой я хотел величать тебя! Знай, сестричка:
За пару твоих повелений я отдал душу!
Теперь ты владычица вод, облаков и суши,
И в глазках — любовь, и на ножках твоих
черевички.

В НАШЕ ЦАРСТВО сегодня примчалась
пурга,
Мужички-с-ноготки стали прятаться в норы,
А совсем еще юная Баба-Яга
Не успела под вечер к Кощеюшке в горы.
А Кощеюшка слезы волшебные льет:

Его утку прибил то ли дуб, то ли тополь,
Да и зайца давно погубило ружье.
Значит, к черту надежду увидеть Акрополь.
Сундуки замело. От волшебной пурги
Не сумели уйти ни Иван, ни царевич.
«Отдавай, Василиса, мои сапоги!
Не носить их отныне ногам твоим девичьим!»
Василиса, от горя не помня себя,
Да с разбега — в родную молочную реку,
Никого не щадя, ни по ком не скорбя —
От безумной пурги двадцать первого века.

ТЫ БУДЕШЬ МАТЕРЬЮ и женой, дочерью
и сестрой.
Степным порывом, ночной грозой, пеной
в воде морской.
Ты будешь головы врачевать, руки ласкать
и греть.
Ангелом петь, ведьмой свистеть,
а женщиной быть тебе лишь на треть —
веретено вертеть.
Змеиную мудрость свою отдашь молчальникам
и слепым,
Тело схоронит песчаный пляж, душу —
табачный дым.

Сердце под елью найдет приют, скорчится,
 как в огне,
В час, когда выкрикнет кто-то вдруг имя твое
 во сне.

Напутствие

Попутного ветра, нервующихся парусов,
Уюта, дверей, не запертых на засов,
Душистого хлеба на самом краю земли,
Силы доплыть куда прочие не смогли.
Русалок увидев — в ответ их защекотать,
Чертей не страшиться, но не поминать
 их мать.

Пусть мимо проносятся пуля, ядро, стрела,
Отсутствует повод завешивать зеркала.
Голову — в холоде, ноги — держи в тепле,
Слово мое пусть в море и на земле
Сделает так, чтобы самый коварный враг

Телом был хвор и, конечно же, духом наг.
Помни: у всех, под кем мнется еще трава,
Ангел-хранитель один. У тебя их — два.

Анна идет. Почти что чеканит шаг.
Руки у Анны скрещены на груди.
Анна жалеет нищих. Больных. Бедняг,
Может, и зря оставленных позади.

Анна не слышит сплетен. Она сама
Сплетен могла бы тысячу штук наткать.
Анне знакома страсть и ее шторма,
Только кому — Аннина эта страсть?

Анна идет. Щурится на свету.
Анна не узнает тебя — это странно.
Да и тебе узнать теперь странно ту,
Что без тебя из Анечки стала Анной.